



## КУЛЬТУРОЛОГИЯ CULTUROLOGY

УДК 130.2

*В. Л. Филиппов*

### КАРТИНА МИРА В СИСТЕМЕ КООРДИНАТ СМЫСЛООБРАЗУЮЩИХ ФАКТОРОВ

Сложность происходящих в современном мире процессов связана с необходимостью верного их толкования и, прежде всего, понимания того, как и почему трансформируются смыслообразующие факторы в картине мира. Несмотря на имеющийся философский материал, непосредственно в обозначенном нами аспекте данная тема ранее раскрыта не была.

**Ключевые слова:** философия, культура, смысл, картина мира, личность, кризис культуры, общество.

*V. L. Filippov*

### WORLD OUTLOOK IN COORDINATION SYSTEM OF SENSE FORMING FACTORS

The complexity of ongoing processes in the modern world is the need to correct their interpretation and, above all, understand how and why transforming sense-factors in the world outlook. Despite the philosophical material directly connected to the designated aspect of the topic, it previously had not been disclosed.

**Keywords:** philosophy, culture, sense, world outlook, personality, crisis of culture, society.

Как нами было отмечено выше, современная культура испытывает состояние кризиса, которое во многом определяется и взаимодействует с функционированием картины мира. При этом смыслообразующие факторы в современной картине мира позволяют наглядно соотнести происходящие в ней сегодня процессы с тем ее состоянием, которое было свойственно предыдущим эпохам. Безусловно, эпоха постмодерна внесла свои существенные коррективы, как в трактовку века минувшего, так и в развитие культуры на современном ее этапе. Естественно, эстетика постмодернизма повлияла на смыслообразующие факторы в картине мира, художественную структуру продуктов, создаваемых

культуры и на процесс формирования ее смыслового поля, выдвигая новые для прошлого века смыслопорождающие факторы.

В рамках настоящей статьи мы считаем необходимым рассмотреть некоторые концептуальные положения постмодернистов в ключе смыслообразующих факторов в картине мира.

Прежде всего, необходимо отметить, что эпоха постмодернизма в качестве смыслообразующих стрел выдвинула следующие феномены, которые оказались фундаментальными понятиями в ее методологии:

- интертекстуальность (цитатное мышление);
- гипертекстуальность.

Именно эти два понятия оказались существенными для определения и понимания функционирования смыслообразующих факторов в картине мира. Они повлияли на художественную структуру и изобразительный строй продуктов, создаваемых культурой, предлагая ее новую философию эстетики.

Отметим также, что смысловая структура у постмодернистов сложилась из теоретических основ эстетики постмодернизма, которая включает в себя так называемый постфрейдизм, постструктурализм и теорию деконструкции. Определить постмодернизм в культуре, по сути, предстает собой задачу объяснения процесса деконструкции модернизма и авангарда в современной культуре. Объяснение динамики этого процесса в культуре, в частности, структурирования смыслообразующих факторов у постмодернистов, требует особого подробного научного исследования. В рамках настоящей статьи мы лишь прикоснемся к понятию постмодернистской текстологии, к интертекстуальности (цитатному мышлению), к гипертексту.

Итак, что же такое интертекст и какое он имеет значение для раскрытия интересующей нас темы. Прежде всего, это понятие связано с тем, что культура, история и общество могут быть «прочитаны» как некий универсальный текст, в дальнейшем развитие этого понятия привело к восприятию человеческой культуры как единого «интертекста», который, в свою очередь, служит как бы предтекстом любого вновь появляющегося текста. Важным последствием уподобления сознания тексту было «интертекстуальное» растворение суверенной субъективности человека в текстах-сознаниях, составляющих «великий интертекст» культурной традиции. Для познающего субъекта интертекстуальность – это понятие, которое будет признаком того способа, каким текст прочитывает историю и вписывается в нее.

Л. Женни так разъясняет интертекстуальность: «Свойство интертекстуальности –

это введение нового способа чтения, который взрывает линейность текста. Каждая интертекстуальная отсылка – это место альтернативы» [1, с. 59].

Интертекстуальность может пониматься не только как обогатитель смысла, но и как свидетель нарушаемой ею же линейности. Ориентация на интертекстуальность прослеживается как в текстах, так и в монтажном принципе их построения. Интертекст – это всегда направленность текста в прошлое, в поисках утраченного «объекта желания». Текст наделяется практически автономным существованием и способностью «прочитать» историю.

Для нашего исследования важно, что для определения того миропонимания и самоощущения современного человека, которое получило название «постмодернистская чувствительность», одним из основных признаков стала интертекстуальность. По сути, это понятие постмодернистской текстологии, артикулирующий феномен взаимодействия текста с семиотической культурной средой в качестве интериоризации внешнего. В 1967 году этот термин ввела в обиход Ю. Кристева, филолог постструктуралистского ориентации. Разрабатывая теорию текста, она опиралась на концепции М. Бахтина – чужого слова и диалогичности, а в то же время с ним полемизировала.

Ю. Кристева утверждала: «Любой текст строится как мозаика цитации, любой текст есть продукт впитывания и трансформации какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия интересубъективности встает понятие интертекстуальности» [2, с. 429].

Об этом же Р. Барт писал: «Текст – это раскавыченная цитата», «текст существует лишь в силу межтекстовых отношений, в силу интертекстуальности» (Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс: Универс, 1989. – С. 486, 428).

Интертекст, выявляющийся реминисценциями из других текстов, служит для

построения нового художественного текста в культуре. Как нами было отмечено выше, расплывчатость и субъективность формулировок – явление характерное для постмодернизма и постструктурализма, в работах Кристевой это проявляется особенно наглядно. Однако данное уточнение не умаляет нашего понимания трудов Кристевой как выдающихся в области современной философии. Отметим, что к интересующим нас смыслообразующим факторам необходимо отнести следующие понятия Кристевой:

• хора, которую можно охарактеризовать как поверхностный бессознательный уровень деятельности либидо, предшествующий возникновению любого художественного текста в культуре;

- негативность;
- отказ;
- фенотекст;
- генотекст;
- семиотический диспозитив;
- означивание.

Остановимся вкратце на том, как видит Кристева пути материализации словесного творчества: вначале идет желание освободиться от лона матери, потом тело ребенка, под которым понимается текст культуры, начинает жить самостоятельной жизнью, наконец, его самостоятельная жизнь поднимается над реальностью и превращается в мир памяти, подобно тому, как древние герои проделывали путь от биологически реальных существ до воображаемых и символических, «умирали», будучи символами и мировыми образами, и, поэтому, оставались жить вечно. Подробное изучение «технологии» и внутренней структуры, таким образом, построенного текста, на наш взгляд, может иметь большие перспективы для анализа смыслообразующих факторов в картине мира.

Рассмотрим, что понимается философom под «негативностью», по мнению Кри-

стевой, это одно из проявлений импульсного действия либидо индивида на создаваемый им тот или иной текст культуры. В этом контексте ученый пытается заглянуть «по ту сторону» языка, определить довербальный уровень существования индивида, при котором он не осознает происходящие с ним процессы, но уже осознает столкновение неведомых ему самому смыслов и их взаимодействие. Власть бессознательных сил создает «материальную основу» дословесного смыслового творчества либидо, а также смысловой интерпретации, во многом определяя последующие процессы его вербализации.

Следующее понятие, с помощью которого становится возможным понять, как происходит смыслообразование в картине мира, это «отказ», или сопротивление, порожденное оральными спазмами. По мнению Кристевой, этот процесс также становится следствием соматических импульсов либидо, причем каждый из таких импульсов способен впоследствии реализовываться в символическом «сверх-я», направленном впоследствии как на разрушение старых смыслов картины мира, так и на созидание новых.

Таким образом, согласно концепции Кристевой, отказ превращается в удовольствие от текста культуры, которое видоизменяет непосредственно сам смысл этого текста. Конкретные механизмы этого процесса, на наш взгляд, могут не только послужить основой для креативных технологий, помогающие исследовать смыслообразование в картине мира, но и стать почвой для рождения самих по себе новых смыслов. Умение вызывать в нужный момент отрицательные смыслы со следующими за ними агрессивными импульсами и чувством удовольствия у потребителей продукции, создаваемой культурой, может стать опасным для управления сознанием молчаливого большинства. Таким образом, оказывается возможным направить

в «нужную» сторону с помощью слова сексуальные импульсы созидания и разрушения индивида.

Отметим, что отечественную культуру от подобного управления сознанием с помощью смыслообразования защищает, с одной стороны, недостаточность образования самих «управляющих», с другой – отсутствие переведенных на русский язык некоторых работ представителей постмодернизма, в том числе Кристевой.

Рассмотрим следующее понятие, имеющее непосредственное отношение к процессу смыслообразования. Это «генотекст», который сегодня охватывает все семиотические процессы, в которые включаются также культурные, социальные и психологические побуждения индивида. Возникновение символического субъекта со свойственными ему мистическими смыслами и его становление объясняется путем обнаружения в созданном им тексте «гено-текста», сохраняющего в себе импульсные переходы энергии либидо этого субъекта.

В данной связи Кристева пишет: «Чтобы выявить в тексте индивида гено-текст, необходимо проследить в нем импульсные переносы энергии, оставляющие следы в фонематическом диспозитиве (скопление и повтор фонем, рифмы и т. д.) и мелодическом (интонация, ритм и т. д.), а также порядок рассредоточения семантических и категориальных полей, как они проявляются в синтаксических и логических особенностях или экономии мимесиса (фантазм, пробелы в обозначении и т. д.)» [3, р. 83–84].

Данная логика рассуждений приводит нас к заключению, согласно которому гено-текст превращается в первооснову предъязыкового уровня индивида, «поверх» него расположен фенотекст, который, так или иначе, соответствует коммуникативным правилам и рождает смыслы, которые могут быть одинаково интерпретированы разными индивидами.

Механизмом, который связывает между собой генотекст с фенотекстом, является семиотический диспозитив: «как свидетель генотекста, как признак его настойчивого напоминания о себе в фенотексте, семиотический диспозитив является единственным доказательством того пульсационного отказа, который вызывает порождение текста» [3, р. 207].

Отметим, что Кристевой «означивание» понимается одновременно как поверхностный уровень смысловой организации текста и как проявление глубинных, психосоматических процессов, порожденных энергией либидо и порождающих новые, не всегда осознаваемые смыслы. Можно сказать, что означивание – это способ проявления либидо «через» словесное творчество, благодаря которому и происходит процесс смыслообразования.

Согласимся с тем, что подобная попытка поставить на один уровень сознание с языком приводит к пониманию сознания как текста, который содержит в себе разные смыслы и компилирует их. Существующий одновременно с этим постулат о доминанте идеологии, которая заставляла индивида мыслить в «нужную» сторону, наполнять свою жизнь нужными культуре и обществу смыслами, порождал в умах людей, способных выявить и отследить те или иные вторжения извне в их сознание, желание создать эстетическую систему, блокирующую попытки управления смыслами текстов извне. Обращение смыслообразования текста в сторону иррационального, исследование стихии либидо и универсальных, по терминологии структуралистов, «энергетических» импульсных систем, порожденных коллективным бессознательным, на наш взгляд, является перспективным направлением в исследовании смыслообразования в картине мира.

Нам представляется также интересной мысль Кристевой о том, что текст является собой некий ансамбль бессознательных,

субъективных, социальных взаимосвязей различных смыслов, которые находятся в постоянной борьбе между собой. Кристева об этом пишет: «Это практика, которую можно было бы сравнить с практикой политической или идеологической революции: первая осуществляет для объекта то, что вторая осуществляет для общества... Поэтому любые вопросы, которые мы задаем себе о литературной практике, так или иначе, обращены к идеологическому или политическому горизонту» [3, p. 14].

Отметим, что в предлагаемой терминологии Кристевой нет как такового понятия «смыслообразование в картине мира», однако, на наш взгляд, постоянное напоминание о вынужденном «обращении к идеологическому и политическому горизонту смыслов» продиктованы именно стремлением «освободить» индивидуальный текст от насаждения извне в картину мира каждого индивида тех или иных угодных культуре или социуму смыслов.

Зафиксируем этот пункт в качестве первого, крайне важного для нас объекта исследования применительно к дальнейшим исследованиям смыслообразования в картине мира, а также порождения смыслов в текстах культуры и непосредственно самими этими текстами. Вторым является трактовка создающего текст субъекта как внутренне противоречивого, находящегося на грани напряжения и угрозы психической деформации, путем создания новых смыслов текста пытающегося восстановить разрушенную картину мира и утраченные целостные связи с миром. Путь обретения гармонии и восстановления целостности смыслообразования, по Кристевой, – профилактика «царством символического».

Дальнейшее положение Кристевой, на наш взгляд, несколько сомнительно: подобно Фрейду, она видит путь излечения субъекта

от агрессивного воздействия на него «идеологических и политических горизонтов новых смыслов» в возвращении к истокам мифологического или религиозного сознания: обретение целостности сознания путем символической функции воображения и порождения с его помощью новых смыслов в картине мира страдающего индивида. Причины типичных для современного сознания психических срывов, по мнению Кристевой, заключаются в следующих моментах:

- в насильственном следовании навязанным извне культурным смыслам, разрушающим картину мира человека;
- в ложности современных представлений о морали и нравственности, в подмене истинных смыслов угодными культуре и обществу;
- в легитимизации буржуазного рационализма;
- в созданных общественными ментальными институтами нормах поведения, реакций и создания текстов с присущими им неорганичными индивидуальной картине мира смыслами.

На наш взгляд, эти и другие исследования Кристевой – поле для дальнейших исследований смыслообразования в картине мира, с помощью которых могут быть отчасти восстановлены утраченные культурные связи и обретена целостность разрушенной кризисом отечественной и мировой культуры.

К числу следующих, важных для понимания смыслообразования в картине мира моментов, следует отнести цитатиное мышление, которое присутствовало в литературе и кинематографе до появления понятия интертекстуальности. Поэтому, прежде всего, стоит рассмотреть феномен цитирования в фильмах, которым присуща множественность смыслов и которые воочию показывают нам, как происходит смыслообразование в картине мира того или иного конкретного индивида.

В данной связи необходимо обратиться к традиции понимания посмодернистами непосредственно самого цитатного мышления. Вспомним, что цитата – «...включение автором в собственный текст элемента “чужого” высказывания, ...является знаком другого произведения, представляя собой “свернутый” чужой текст или круг текстов, включающихся в смысловое поле нового произведения» [4, с. 1190].

#### Литература

1. Ямпольский М. Память Тересия. – М.: РИК: Культура, 1993. – С. 59.
2. Кристева Ю. Бахтин, слово, диалог, роман (1967) // Французская семиотика: От структурализма к постструктурализму. – М.: Наука, 2000.
3. Kristeva J. La revolution du langage poetique: L'avantgarde a la fin du XIXe siecle: Lautreamont et Mallarme. – P., 1976.
4. Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – С. 1190.